

ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

ИЗ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIII–XVI ВЕКОВ)

Петр ДМИТРАЧКОВ,
кандидат
исторических наук,
профессор

В числе научных проблем, которые в последние годы приобрели актуальность, важнейшими являются проблемы, относящиеся к зарождению и развитию государственности на белорусских землях. Они уже получили довольно широкое освещение как в учебной, так и в специальной литературе, однако не потеряли своего научно-познавательного значения, тем более что в ряде аспектов история белорусской государственности носит спорный, дискуссионный характер.

Государственность на белорусских землях, как известно, зародилась в раннем средневековье и имела глубокие исторические корни. При этом она складывалась и формировалась в тесной связи с государственно-политическими и социальными процессами, развивавшимися во всех восточнославянских землях, и наиболее полно воплотилась в Полоцком, Туровском и некоторых других княжествах, оказавшихся в составе древнерусского государства, известного как Киевская Русь [подробнее см.: 3].

Однако Киевская Русь была непрочным государственным образованием и уже в XII веке начала распадаться. С этого времени, по сути, началась новая стадия в развитии государственности на восточнославянских, в том числе и белорусских, землях, характерной особенностью которой стала децентрализация политической системы Древней Руси. Теперь государственность развивалась на региональном уровне, а ее центрами были княжеские уделы. Они постепенно выделились на всей территории Древней Руси. Распались на уделы и княжества белорусских земель. Появление таких уделов (вначале они выделялись на родовом праве и не являлись личной собственностью, затем возникали уделы – вотчины, созданные на феодальном праве) отразило качественные изменения как в феодализации общества, так и в

развитии государственности на восточнославянских землях. Поэтому нельзя рассматривать период раздробленности, несмотря на княжеские усобицы и конфликты, только с негативных позиций. Основные формы политической, социально-экономической и культурной жизни сохранялись и продолжали развиваться. Да и княжества, созданные тогда, не были изолированы один от одного, тем более что многие удельные князья находились в родственных связях между собой.

Не прервались и государствообразующие процессы. Они стимулировались как внутренними, так и внешними факторами, создававшими предпосылки для преодоления раздробленности, перехода к новой ступени исторического развития, связанной с появлением централизованных государств.

В русле этих процессов мы должны рассматривать и возникновение Великопольского княжества Литовского, в которое с самого начала были втянуты не только балтские, но и соседние восточнославянские, и прежде всего белорусские земли. Этот факт признают практически все современные историки. Причем многие из них рассматривают ВКЛ как одного (наряду с Московским княжеством) из собирателей раздробленных земель Руси. Данная точка зрения была высказана уже в дореволюционной российской

историографии. Ее разделяли белорусские историки М. Довнар-Запольский, В. Пичета, В. Игнатовский и другие. «Літоўска-Беларуская дзяржава, – пісал, напрыклад, В. Ігнатовскі [так он называл ВКЛ. – Авт.], – з самага пачатку свайго існавання ўзяла на сябе заданьне сабраць у адзін політычны арганізм заходнюю частку рускіх славян» [6, с. 92]. Большой вклад в обоснование этой точки зрения внесли также современные историки России и Беларуси С. Думин, М. Кром, Е. Бычкова, А. Грицкевич, Г. Голенченко, В. Носевич, Н. Ермолович, А. Кравцевич и другие.

Проведенные исследования показывают, что белорусские земли стояли уже у истоков образования ВКЛ. Так, большое значение для генезиса этого государства имело распространение власти литовского князя Миндовга на Новгородские и соседние земли Верхнего и Среднего Понеманья. Именно Новгородское княжество вместе с так называемой летописной Литвой (ее местоположение точно не установлено, но не исключено, что она охватывала и некоторые этнически белорусские земли) и стало первоначальным ядром ВКЛ, а Новгородок (современный Новогрудок) – его важным политическим центром, возможно, и первой столицей. «Новогрудок, – пишет литовский историк Томас Баранускас, – стал первой и главной опорой литовской власти на Руси. Здесь вырабатывались те отношения, на основании которых строились контакты Литвы с другими подвластными территориями Руси» [1, с. 42]. Можно сказать, что здесь, в этом регионе, начался сложный процесс сближения Литвы и Руси, приведший к образованию ВКЛ.

Это сближение продолжалось и при преемниках князя Миндовга – Войшелке, Тройдене, Витене, Гедимине. При великом князе Гедимине (правил в 1316–1341 годах) ВКЛ приобрело черты литовско-белорусского государства, ибо в его составе оказались практически все современные земли Литвы и Беларуси, а столицей стал город Вильно

(многие исследователи считают его восточнославянским городом, заложенным кривичами). Письменные источники не содержат подробных данных о том, как белорусские земли включались в состав ВКЛ. Но в целом это был мирный процесс, хотя не исключались и военные, завоевательные акции. При этом уже при Гедимине этнически белорусские земли преобладали над литовскими, которые в середине XIV века составляли менее 30% территории ВКЛ. В дальнейшем в состав ВКЛ были включены украинские и некоторые русские земли, и при князе Витовте оно достигло максимальных размеров – 687 тыс. кв. км. Тогда земли современной Литвы занимали в нем около 10%, белорусские – примерно 30%. В конце XV – первой половине XVI века территория ВКЛ стала сокращаться в связи с включением части его земель в состав Московского и Польского государств, но и тогда этнически балтские, то есть литовские, земли занимали только 23%, а белорусские – 77% [9, с. 56–57].

Таким образом, несмотря на все изменения в государственных границах ВКЛ, белорусские земли были основной частью его территории, и, как справедливо заметил итальянский историк Пьетро Дини, уже со времен Гедимина они «становяцца раўнапраўнымі саўдзельнікамі ўсёй наступнай палітычнай гісторыі новага дзяржаўнага аб'яднання» [11, с. 51]. Кстати, и по численности населения балто-литовские земли ВКЛ уступали белорусским. По данным на 1569 год, из общей численности населения ВКЛ в 2,6 млн. человек только 0,8 млн. проживало в Литве [10, с. 56].

Но роль белорусских земель в становлении и развитии ВКЛ определялась не только их территорией и численностью населения. Важно было и то, что распространение власти великих князей литовских на белорусские земли не затронуло ни экономический, ни социальный, ни культурно-бытовой уклад, сложившийся ранее, и население этих земель продолжало жить своей естественной жизнью. Во многом сохранился и прежний

ДМИТРАЧКОВ Петр Фролович.

Родился в 1937 году в Хотимском районе Могилевской области. Окончил историко-географический факультет Могилевского государственного педагогического института имени А.А. Кулешова. С 1965 года работает в этом вузе (ныне университете). С 1975 по 2005 год возглавлял исторический факультет. В настоящее время – профессор кафедры истории и культуры Беларуси Могилевского государственного университета, кандидат исторических наук. Заслуженный работник образования Республики Беларусь. Занимается вопросами возникновения и развития государственности на белорусских землях, различными аспектами истории ВКЛ, этническими проблемами. Автор ряда учебно-методических пособий, в том числе «Старажытная гісторыя Беларусі» (1999); «Беларусь у складзе Вялікага княства Літоўскага (другая палова XIII – першая палова XVII стст.)» (2003); «Беларусь у сярэднявеквы перыяд (V – першая палова XIII стст.)» (2007), многих других публикаций.

правопорядок, те удельные княжества, которые сформировались еще в древнерусский период. Этому способствовала политика великих князей литовских в отношении присоединенных земель. В ее основе (особенно на первых порах) лежал принцип: «Мы старины не рухаем и новины не уводим», что имело важное значение и для белорусских земель, и для самого княжества. Белорусские земли, признав власть князей литовских, не только сохранили свою государственность, но и оказали воздействие и на государственное устройство ВКЛ. С самого начала оно складывалось как федеративное государство, а местные удельные княжества и земли еще долгое время находились на автономном положении, закрепленном областными грамотами.

Федеративный характер государственного устройства ВКЛ нашел отражение в самом его названии, в титуле великих князей литовских. Уже в XIV веке название ВКЛ определялось формулой, включавшей два компонента: Литва и Русь. Позднее эта формула расширилась за счет термина «Жемайтия» (земля, которая окончательно была закреплена в составе ВКЛ в XV веке). Чаще всего название ВКЛ звучало так: «Великое княжество Литовское, Русское, Жемайтское», а сокращенно «Великое княжество Литовское» или даже «Литва». Термин «Русь» присутствовал и в титуле великих князей литовских. Нельзя не отметить и тот факт, что и государственным языком ВКЛ долгое время был русский, то есть старобелорусский язык. Даже герб Великого княжества Литовского «Погоня» имел восточнославянские корни.

Безусловно, великие князья литовские стремились изменить удельный порядок и укрепить свою власть на местах. Первые шаги в этом направлении были предприняты уже при Гедимине, который посадил в удельных землях вместо прежних Рюриковичей своих сыновей и ближайших родственников. В таком же духе действовали и преемники Гедимины, а при князе Витовте (правил в 1392–1430 годах) удельные княжества стали

превращаться в наместничества, и затем вообще были ликвидированы.

И тем не менее государственно-политические порядки, традиции и достижения белорусских земель периода Древней Руси не исчезли. Напротив, они еще долгое время сохранялись, оказывая воздействие и на верховную власть, и на административно-правовую систему, складывавшуюся в ВКЛ. Не случайно многие историки указывали на тот факт, что ВКЛ не просто собрало, включило в себя значительную часть восточнославянских земель, но и стало преемником государственно-политических и правовых порядков Древней Руси. Одним из первых на это обратил внимание российский историк М. Любавский. Он писал, что Западная Русь в составе Великого княжества Литовского «не только не губляла сваёй гістарычай спадчыны, але і перадавала яе пануючай зямлі, якая сама ў многім будавалася па ўзорах гэтай Русі» [цит. по: 14, с. 29]. Понимание того, что ВКЛ явилось правопреемником Киевской Руси, зафиксировано и в белорусско-литовских летописях. Более того, в Киевской Руси авторы ряда летописей видели исторические корни белорусской государственности [подробнее см.: 8].

Влияние западнорусских, то есть белорусских, земель особенно было заметно в XIII–XV веках. Сам монархический строй княжества складывался под воздействием древнерусских традиций. Этот строй воплощался великим князем, имевшим славянское название «господарь». При этом власть господаря была ограниченной, и он должен был считаться с местными князьями, которые находились от него в вассальной зависимости. Вообще самодержавно-абсолютистские черты не были характерны для государственности, зародившейся и развивавшейся на белорусских землях изначально, то есть с древности. Поэтому монархическая власть в ВКЛ не превратилась в абсолютную. К тому же великие князья литовские стали избираться, причем из династии Гедиминовичей, а с середины XV

Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова

века – из числа лиц одной из ветвей этой династии – Ягеллонов или Ягайловичей. Из Гедиминовичей выделились также ветви великокняжеской династии – Ольгердовичи и Кейстутовичи и многие крупные княжеские роды Беларуси, Украины, Литвы и России, в том числе Олельковичи, Бельские, Вишневецкие, Голицыны, Корибутовичи, Кобринские, Мстиславские, Сангушки, Трубецкие, Чарторыйские и другие. Правда, вопрос об этническом происхождении великих князей литовских, их родословии до сих пор вызывает споры и фактически является нерешенным. Так, Н. Ермолович пытался доказать, что почти с самого начала ВКЛ возглавляли князья славянского происхождения. К их числу он относил князя Вида, происходившего из полоцкой династии. Он, по мнению ученого, стал преемником Шварна (возглавлял княжество после смерти Войшелка – сына князя Миндовга), которого заменил Тройдень. И с этого времени, утверждал Н. Ермолович, в ВКЛ установилась славянская династия [5, с. 8–10]. Белорусский историк-правовед И. Юхо считал, что местного, то есть белорусско-славянского, происхождения был князь Витень, основавший новую династию великих князей литовских – Витеничей, из которой вышли Гедимин и другие великие князья литовские [13, с. 46–47]. Однако все эти утверждения малоубедительны, слабо аргументированны. Кстати, полоцко-славянская версия родословия великих князей литовских была распространена в XVI веке и в Московской Руси, она использовалась для обоснования ее претензий на земли ВКЛ. В самом княжестве эта версия не имела популярности. Великие князья литовские вели свое происхождение от римлян, от родственника римского императора Палемона, который якобы с группой римской знати бежал (спасаясь от жестокого правителя Нерона) на земли будущей Литвы. Имелись и другие варианты римского происхождения великих князей литовских. Белорусский историк В. Чаропка, проанализировав соответствующи-

е источники, пришел к выводу, что все известные версии родословия великих князей литовских не являются реальными, а это значит, что их династии не происходили ни от полоцких князей, ни от римских императоров [подробнее см.: 12]. Вообще этот вопрос остается невыясненным и дискуссионным, хотя большинство историков считают великих князей литовских балтами по происхождению.

Как глава государства великий князь литовский обладал широкими полномочиями в сфере внутренней и внешней политики, но правил он не единолично, самодержавно, а опираясь на центральную и местную администрацию, также и на те органы власти, которые сформировались в процессе становления и развития ВКЛ. В числе таких органов прежде всего надо выделить раду, действовавшую при великом князе (с XV века ее все чаще стали называть «паны-рада»). Она имела древнерусское происхождение, как отмечал М. Довнар-Запольский, выросла органически из основ древнерусского права, и даже ее название «не з'яўляецца запазычаннем з польскага права». Рада – общеславянское слово, и в западнорусских актах оно употреблялось вместо слова «дума» с XIII века, то есть еще

Горельфные изображения князей Гедимина, Ольгерда и Витовта на нижнем ярусе памятника «Тысячелетие России» в Новгороде

Княжеский дворец в Вильнюсе, в котором с начала XVI века собиралась рада ВКЛ

до проникновения польского влияния. «Рада вялікага князя літоўскага, – писал М. Довнар-Запольский, – была яго княжацкай думай, такой самай радай, думай, якая была пры ўдзельных князях і якая дзейнічала ў найстаражытнейшы перыяд з самага пачатку складвання рускай дзяржавы» [4, с. 81]. С образованием единого государства – Великого княжества Литовского – рада приобрела значение общеземского политического органа и включала в себя как приближенных к князю лиц из числа его окружения и центральной администрации, так и представителей местных органов и удельных князей. Однако господарская рада и в количественном отношении, и в своих правах не оставалась неизменной. Это был орган постоянно развивавшийся, и из совещательного к концу XV века она превратилась в центральный государственно-политический институт, в значительной мере ограничивавший власть и самого князя. Согласно привилею 1506 года, великий князь обязался вообще не принимать никаких государственных постановлений без согласия панов-радных. Участвовали они и в избрании великого князя. Анализ состава рады показывает, что в ней имелись представители всех земель ВКЛ, в том числе и белорусских. По данным А. Грицкевича (а они отражают состав членов рады ВКЛ с конца XV века до 1569 года), на долю выходцев из бело-

русских земель приходилось более 1/3 от общего количества [2, с. 23–24]. Есть и другие цифры, подтверждающие представительство белорусских земель в господарской раде, расширение этого представительства. Так, белорусский историк В. Малиновский считает, что в первых составах рады литовцев было 84%, а выходцев из этнически белорусских земель – 9%, во второй четверти XV века – соответственно 67 и 17%, а в первой четверти XVI века – 46 и 38% [7, с. 81]. Следует заметить, что, несмотря на определенные ограничения, в раде заседали и католики, и православные, и лица других конфессий. Например, в составе рады, действовавшей в 1476–1500 годах, имелось 48 православных, или около 45%, в дальнейшем их количество несколько снизилось [2, с. 23].

Вторым важнейшим общегосударственным органом в ВКЛ стал вальный сойм (сейм). По своему значению и составу он был очень близок к польскому сойму. Но сойм в ВКЛ появился не под внешним воздействием. Его истоки также уходят в древнерусские традиции. Первоначально соймы представляли собой собрания, съезды военно-служилых людей, то есть князей и бояр всех земель ВКЛ, и принимаемые на них решения для великого князя не были обязательными. Однако к концу XV века их роль возросла, и соймы заняли прочное место в структуре органов власти княжества, превратившись в высший законодательный орган парламентского типа. К этому времени расширилась и компетенция сойма, она охватывала все основные сферы государственной жизни княжества, в том числе и те, которые касались деятельности великого князя, его избрания. Князь, по сути, становился «президентом» с ограниченными правами. Причем великий князь был обязан по своей инициативе или по просьбе панов-радных и шляхты созывать соймы, что было узаконено в 60-е годы XVI века.

По своему составу сойм был довольно широким государственным образованием. В него входили не только члены

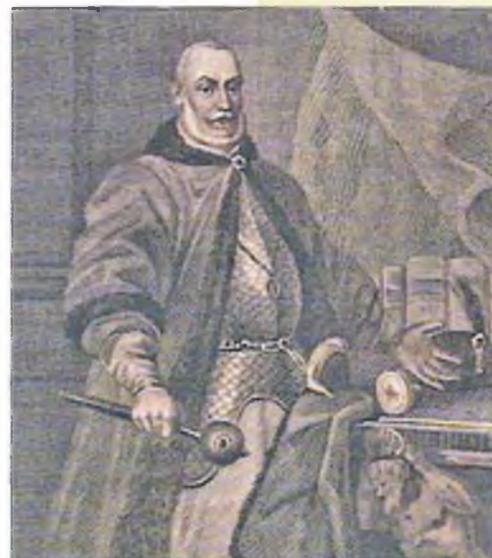
рады (она составляла его верхнюю палату – сенат), многочисленные служебные лица центральных и местных органов, но и шляхта всех земель ВКЛ. При этом на первых порах представительство шляхты не регулировалось правовыми актами, и каждый шляхтич мог присутствовать на заседаниях сойма. Однако вскоре, с 1512 года, были установлены нормы такого представительства: 2 депутата (посла) от повета, но не исключалась возможность присутствия каждого шляхтича. Депутаты-шляхтичи составляли нижнюю палату сойма – так называемую посольскую избу. Если учесть, что большинство поветов частично или полностью охватывали территорию Беларуси, то в численном отношении представители белорусской шляхты на соймах не только не уступали литовской, но и преобладали над ней. Следует отметить и тот факт, что проведение соймовых заседаний не ограничивалось только Вильно – столицей ВКЛ. Соймы собирались и на белорусских землях – в Бресте, Новогрудке, Гродно. На востоке Беларуси не зафиксировано ни одного сойма, видимо, сказывалась не только отдаленность этих земель от столицы, но и приграничное положение с Российским государством, отношения с которым были натянутые, а также некоторые другие обстоятельства. Для функционирования исполнительной власти большое значение имела деятельность так называемых урядовцев (урядников), занимавших важные государственные должности, как придворные, так и общеземские и местные. Среди общеземских, то есть общегосударственных служебных лиц, надо выделить канцлера ВКЛ, подскарбия земского, гетмана наивысшего, маршалка земского. Именно через них великие князья решали основные вопросы не только чисто административного, но и финансового, хозяйственного и военного характера. Эти должности занимали наиболее приближенные к великому князю лица из аристократических семейств, как правило, литовского происхождения, хотя на них оказывались и выходцы из белорусских

земель. Примером могут служить Сапегы. Их род считался вторым по значению (после Радзивиллов) магнатским родом ВКЛ. Представители рода Сапег занимали многие важные государственные, административные и военные должности в княжестве. Так, Лев Сапега в разное время исполнял обязанности писаря великого, подканцлера, канцлера и гетмана ВКЛ, возглавлял различные соймовые комиссии и посольства.

Немаловажным было и то, что основная государственно-управленческая деятельность в ВКЛ осуществлялась не в центре, а непосредственно на местах. Причем в течение довольно длительного времени система местного управления здесь базировалась на принципах и традициях, сложившихся в древнерусский период и сохранившихся в удельных княжествах. Тогда основной административно-территориальной единицей на белорусских землях была волость, центром которой являлся город или замок. В процессе реформирования местного управления многие волости стали основой поветов (термин польского происхождения). Статус поветов как структурных административно-территориальных единиц ВКЛ официально был определен в ходе реформы 1565–1566 годов. Поветы в свою очередь входили в состав воеводств (один из поветов был центральным).

Первые воеводства (Виленское и Трокское) были созданы в ВКЛ на основе Городельского привилея 1413 года, затем появились Витебское (1503), Полоцкое (1504), Новгородское (1507) и другие воеводства. Всего же на территории ВКЛ к концу 60-х годов XVI века было создано 13 воеводств, восемь из них полностью или частично охватывали

Лев Сапега

земли Беларуси. Количество поветов доходило до 30, шестнадцать из них находились в пределах современной территории нашей страны. Можно сказать, что поветы стали основным звеном местного управления, во многих из них сохранились и волости как более мелкие административно-территориальные образования.

Основными служебными лицами, которые занимались местными делами (земельными, хозяйственно-финансовыми, другими) до XV века были великокняжеские наместники (державцы), направляемые в разные районы Великого княжества Литовского. В ходе реформ, проводимых в XVI веке, появились новые должности – воеводы, старосты. Воевода становится главой администрации с широкими полномочиями, которые он выполнял от имени великого князя на вверенной ему территории. Второе место в служебной иерархии воеводства занимал каштелян. Каждый повет имел свою административную власть во главе со старостой (некоторые поветы возглавляли воеводы) [13, раздел III; 10; 8]. Именно в руках воевод и старост была сконцентрирована исполнительная власть на местах. Поэтому не случайно на эти должности назначались лица из числа крупных феодалов (магнатов) и обязательно из уроженцев ВКЛ. При этом в некоторых землях великий князь кандидатуры на должности воевод должен был согласовывать с местными феодалами, а сами воеводы должны были считаться со сложившимися здесь нормами и обычаями. Это видно из привилеев, выданных Полоцкой и Витебской землям, где отмечалось, что «господарь» обязан «им давати воеводу по старому, по их воли; и который им будет нелюб воевода, а обмовят его перед нами: ино нам воеводу им иного дати, по их воли» [цит. по: 9, с. 52]. Историки М. Любавский и В. Пичета утверждали даже, что полоцкий воевода избирался самими полочанами. Известно также, что полочане одно время пользовались правом избрания себе и великокняжеского наместника. Такое право им предоставил великий князь

литовский Витовт. По мнению историка И. Якубовского, это право они получили между 1392 и 1399 годами, правда, в дальнейшем оно уже не реализовывалось, видимо, потеряло свою силу с изданием Городельского привилея 1413 года [о порядке замещения должности полоцкого воеводы, его функций подробнее см.: 4]. Вообще, и это необходимо подчеркнуть, полоцкое боярство имело значительную политическую самостоятельность и играло важную роль в решении как местных, так и общегосударственных дел. Здесь даже имелся и такой специфический политический институт, как старший из бояр. Такая должность, по мнению В. Воронина, существовала здесь уже в XIII веке, а может еще и ранее. Проведенные им исследования показывают, что на «протяжении примерно 170 лет, с 80-х годов XIV века и до 50-х годов XVI века, должность старшего из бояр занимали в основном члены рода Корсаков» [2, с. 50]. Это был один из крупнейших боярских родов Полотчины, представители которого занимали основные государственные должности.

Местные князья и бояре, сформировавшаяся на белорусских землях шляхта играли важную роль в политической жизни и других регионов Беларуси. Они широко были представлены во всей системе местной власти и управления, сложившейся в воеводствах и поветах. Вакансии должностей местной администрации замещались, как правило, выходцами из белорусских земель. Такой порядок поддерживался и великими князьями литовскими, и их представителями на местах, в том числе и воеводами, среди которых также имелись выходцы из белорусских княжеских родов. Следует учитывать и тот факт, что важное место в государственно-политической структуре ВКЛ занимали тогда и местные соймики (сеймики), собиравшиеся в воеводствах и поветах. Они являлись своеобразными сходами, собраниями местной шляхты, давно практиковавшимися в княжествах белорусских земель и признанными затем великими князьями литовскими в

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранаускас, Т. Новогрудок в XIII в.: история и мифы // Castrum, urbis et bellum. Зборнік навуковых прац. – Баранавічы, 2002.
 2. Грыцкевіч, А.П. Палітычнае становішча Беларусі ў эпоху Скарыны // Спадчына Скарыны: Зборнік матэрыялаў першых Скарынаўскіх чытанняў (1986). – Мн., 1989.
 3. Дмитрачков, П.Ф. О зарождении и развитии государственности на белорусских землях // Беларуская думка. – 2001. – № 4. – С. 103–112.

качестве государственно-политического института, деятельность которого регламентировалась правовыми актами. Именно на местных соймиках избирались как депутаты-послы в вальный сойм, так и электы (кандидаты) на должности земских поветовых судей, подкомория, хоружего (военный руководитель местной шляхты) и др. Кроме соймиков, созываемых великим князем, практиковались и съезды (сходы), которые собирались по желанию местной шляхты. Все это позволяло шляхте белорусских земель не только оказывать воздействие на государственную политику и обеспечивать свои сословные интересы, но и развивать самоуправление.

Самоуправленческие начала, зародившиеся на белорусских землях в древнерусский период, сохранились также и в сельских и городских поселениях, то есть в среде крестьян и мещан. Интересы крестьян, и не только в отношении с землевладельцами, великокняжескими урядниками, отстаивала сельская община (грамада). Она, как известно, возникла еще в первобытную эпоху и постепенно трансформировалась в соседскую (территориальную) общину. Община обычно объединяла население отдельного села (вески). Несколько же общин входили в более широкую организацию – волость. С момента своего возникновения сельские общины играли важную роль в жизни крестьян и, в частности, в организации крестьянского землепользования и выплаты феодальной ренты. Они имели свою систему управления во главе с избираемыми старцами и их помощниками, утверждаемыми собственниками земли. В некоторых волостях наряду со старцами назначались и великокняжеские представители (тиуны), в середине XVI века они, по мнению многих историков, имелись уже во всех господарских волостях. Важным элементом общинной организации был копный суд, признанный государством и законодательно им закрепленный. Роль сельской общины, однако, подрывалась по мере развития феодализма. Так, в центральных и запад-

ных районах Беларуси общинная организация крестьян была фактически разрушена в ходе аграрной реформы 1557 года. Но здесь опорой великокняжеской администрации стали войтовства, объединявшие несколько сел с принадлежавшими им землями. Главными должностными лицами в них были войты. Они назначались из числа крестьян и с их согласия. На востоке Беларуси позиции общины были более прочными, она продолжала действовать до начала XX века.

В городах Беларуси самоуправление развивалось на основе вечевых традиций. В Полоцке, например, вече действовало до конца XV века. Вечевые традиции оказали влияние и на органы городского самоуправления, созданные на основе магдебургского права. Настоящее немецкое право, как считал И. Юхо, населению белорусских городов не было известно и за редким исключением не применялось. Самоуправленческие начала позволяли как центральному, так и местным властям полнее учитывать интересы сельского и городского населения, использовать общественное мнение при разработке и реализации государственных постановлений. Этому способствовало и право подданных великого князя подавать на его имя и в высшие органы власти челобитные и другие письменные обращения и жалобы. Такое право было закреплено в привилее 1506 года (статья 8) и вошло в последующее законодательство ВКЛ. «Чалабітныя, – писал И. Юхо, – у той час з’яўляліся важнай формай прававой абароны насельніцтва ад самадурства і злоўжыванняў мясцовых пасадавых асоб, служылі падставай для выдання новых юрыдычных актаў, у якіх больш поўна адлюстроўваліся агульныя і прыватныя інтарэсы пэўных груп і класаў насельніцтва. Такі характар выражэння волі насельніцтва садзейнічаў праяўленню нацыянальнага характару ў прававых актах, пераўтварэнню старых народных звычаяў у прававыя нормы, санкцыянаваныя органамі дзяржаўнай улады» [14, с. 72].

Окончание следует ■

4. Доўнар-Запольскі, М.В. Гісторыя Беларусі / М.В. Доўнар-Запольскі. – Мн., 1994.
5. Ермаловіч, М. Старажытная Беларусь. Віленскі перыяд / М. Ермаловіч. – Мн., 1994.
6. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі. 5-е выд. / У.М. Ермаловіч. – Мн., 1991.
7. Малиновский, В.И. История белорусской государственности. Учебное пособие / В.И. Малиновский. – Мн., 2003.
8. Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтнасць насельніцтва Беларусі ў 11–17 стст. // Гістарычны Альманах. – Т. 5. – 2001, Гародня. – С. 3–22.
9. Насевіч, В.А. Да пытання аб нацыянальным характары Вялікага княства Літоўскага // Усебеларуская канферэнцыя гісторыкаў. Мінск 3–5 лютага 1993 г. Тэзісы дакладаў і паведамленняў. Ч. 1. Гісторыя Беларусі. – Мн., 1993.
10. Насевіч, В.А. Тэрыторыя, адміністрацыйны падзел // Вялікае княства Літоўскае. Эцыклапедыя ў 2 тт. – Т. 1. – Мн., 2005.
11. П’етра Дэні. Роля беларускіх зямель у Вялікім княстве Літоўскім // Ад Полацка і Нясвіжа да Падзі і Венецыі: Матэрыялы ўрачыстага адкрыцця мемарыяльнай дошкі Ф. Скарыны ў Падуанскім універсітэце і Першай беларуска-італьянскай канферэнцыі. Венецыя, кастрычнік 1992. – Мн., 1994.
12. Чаропка, В. Паходжанне і радавод вялікіх князёў літоўскіх // Беларускі гістарычны часопіс. – 2006. – № 5–6.
13. Юхо, Я. Дынастыя Віценівічаў у Беларусі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. – № 5.
14. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі / Я.А. Юхо. – Мн., 1992.